

32. Указанным приказом на должность заместителя начальника Западного управления строительства БАМ по общим вопросам был назначен подполковник Орловский И.И. с освобождением от должности начальника Тайшетского ИТЛ МВД. Но речь в данном документе, по-видимому, идет о Тайшетстрое, руководителем которого он к тому времени являлся.

УДК 947

В.С. Мильбах, С.О. Фомичев

Начало массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа, январь – май 1937 г. (по материалам НКВД)

Аннотация: Процесс массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, это раннее начало арестов в среде высшего командного состава. Проследить развитие репрессивного процесса на его начальной стадии позволяют документы органов НКВД (специальные сообщения, протоколы допросов), а также органов военного управления – Политуправления РККА, командования и политуправления Уральского военного округа. Анализ содержания данных документов позволяет более рельефно оценить происходящее в период большого террора 1937–1938 гг. в отдельно взятом военном округе. Большинство приведенных в данной статье документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, Уральский военный округ, спецсообщение, особый отдел, арест, расстрел.

V. S. Milbakh, S. O. Fomichev

The beginning of mass political repressions of the command commanding structure of the Ural Military District, January – May, 1937 (on materials of NKVD)

Abstract: the Process of mass political repressions command and command staff of the Ural military district is characterized

by several features. First of all it's early arrests among senior officers. To trace the development of the repressive process at its initial stage, allow the documents of the NKVD (special reports, interrogation reports), as well as military authorities – and the political Directorate of the red army command and the political Department of the Ural military district. A content analysis of these documents allows you to more clearly assess what is happening in the period of the great terror of 1937–1938 in a particular military district. Most of the examples in this article of the documents introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: command and commanding staff, the Ural military district, special report, special Department, arrest, execution.

Процесс массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа характеризуется рядом особенностей. Увольнения командно-начальствующего состава по политическим мотивам проходили более оперативно. Однако документы служебной переписки свидетельствуют, что в конце 1936 г. и в начале 1937 г. этот процесс занимал несколько месяцев от момента обращения представителя НКВД к армейскому командованию. Например, осенью 1936 г. особый отдел сообщал командованию ЗакВО о том, что командир взвода из 4-го отдельного территориального стрелкового полка старший лейтенант Хатмуллин Салах, исключенный из партии в 1932 г. за оппортунистические выступления, на протяжении ряда лет ведет контрреволюционную троцкистскую агитацию. Однако командование военного округа считало, что «нет оснований к увольнению по политико-моральным качествам Хатмуллина» [3, л. 5]. Об этом дивизионный комиссар Г.А. Зиновьев 25 ноября 1936 г. доложил по команде. Армейский комиссар 1 ранга Я.Б. Гамарник по данному вопросу принял следующее решение: «Осепяну и Фельдману. Проверить еще раз все эти материалы. 27. XI. 1936» [3, л. 5]. Судя по содержанию переписки, материалы по делу Хаймуллина с 28 декабря 1936 г. находились у начальника Управления по комначсоставу РККА комкора Б.М. Фельдмана. Представитель НКВД настойчиво добивались увольнения Хатмуллина из армии: И.М. Леплевский 15 февраля 1937 г. направил спецсо-

общение Я.Б. Гамарнику, которым доводилось, что старший лейтенант «продолжает вести контрреволюционную агитацию, восхваляя Троцкого и распространяя клеветнические слухи о руководстве партии». Начальник особого отдела отмечал: «При обсуждении процесса над Зиновьевым и Каменевым, ХАТМУЛЛИН в присутствии начсостава говорил: «Троцкий организовывает террористические акты не потому, что он против социализма, а потому, что у него личные счеты со Сталиным, вот он и хотел убить его». Прошу Вашего согласия на увольнение ХАТМУЛЛИНА из армии, с последующим его арестом» [3, л. 4]. На следующий день на бланке спецсообщения появилась резолюция начальника Политуправления РККА: «т. Фельдману. На основании имеющихся у Вас материалов поговорите с т. Леплевским, после того решим. 16. II. 37». Прошло почти полтора месяца и решение по старшему лейтенанту С. Хатмуллину состоялось: приказом НКО от 27 марта 1937 г. № 0075/ОУ он был уволен. Через неделю, 2 апреля 1937 г., Хатмуллин был арестован. Таким образом, с момента первичного обращения ОО НКВД в ноябре 1936 г. до увольнения данного командира прошло более четырех месяцев.

Сведения о разоблачении политических преступников среди командного состава Уральского военного округа продолжали поступать Я.Б. Гамарнику. В спецсообщении И.М. Леплевского от 17 февраля 1937 г. отмечено: «Материалами следствия и другими имеющимися у нас данными установлено, что б. курсант Окружной Белорусской военной школы, ныне лейтенант 195 стрелкового полка УрВО ДЕДКОВ Иван Дмитриевич, 1915 г.р., крестьянин, уроженец Западной области дер. Дербезичи, начиная с 1934 г., занимается к-р шпионской деятельностью. Арестованная нами его близкая знакомая ВОРС Анастасия Алексеевна на допросе от 3. II. 1937 г. показала: «...Дедков мне говорил, что шпионскую работу он ведет не один и что в штабе ОБВШ у него есть свой человек» [3, л. 6]. Далее отмечалось, что Дедков причастен к пропаже топографической карты в июле 1936 г. «Наряду со шпионской работой Дедков среди курсантов проводил и к-р троцкистскую агитацию», – сообщал далее Леплевский. В качестве примера таковой глава особого отдела приводил следующее: «13.XI. – 36 г. Дедков в классе на доске написал: «Жить стало лучше (знак вопроса), жить

стало веселее (знак вопроса)» и ряд других выпадов о жизни в СССР. На основании изложенного прошу Вашей санкции на демобилизацию ДЕДКОВА из рядов РККА с последующим его арестом» [3, л. 7]. Резолюция начальника ПУ РККА была следующей: «т. Фельдману. Надо его уволить и арестовать. 20/II 37. Гамарник». В тот же день им был подписан приказ на увольнение И.Д. Дедкова.

Сообщение Леплевского от 4 марта 1937 г. касалось помощника начальника штаба 254-го стрелкового полка капитана С.Ф. Гурьянова, исключенного из партии в 1935 г., который «высказывает недовольство, якобы, плохой заботой о командирах», угрожал застрелить командира полка и замполита. Резолюция Я.Б. Гамарника была адресована командующему войсками Уральского военного округа: «Тов. Гарькавому. Разберитесь и донесите мне. 10/III – 37 г. Гамарник». Разбирательство заняло менее трех недель, о чем свидетельствует доклад корпусного комиссара Зиновьева [3, л. 10] (15 февраля 1937 года начальнику ПУ Уральского ВО Г.А. Зиновьеву присвоено звание корпусной комиссар): капитан С.Ф. Гурьянов был уволен приказом НКО №0250/ОУ от 29 марта 1937 г.

В то время как некоторых командиров только по подозрению в совершении политического преступления увольняли со службы в течение месяца, отдельных морально разложившихся командиров не могли уволить из армии длительный период. Об этом также свидетельствуют спецсообщения начальника 5-го (особого) отдела, направляемые главному политработнику вооруженных сил. Например, 26 января 1937 г. начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар ГБ 2-го ранга И.М. Леплевский докладывал заместителю НКО армейскому комиссару 1 ранга Я.Б. Гамарнику о том, что в 253-м стрелковом полку Уральского военного округа состоит на службе лейтенант Н.М. Щукин, который систематически пьянствует, покушался на самоубийство. В 1934 г. за пьянство и хулиганские поступки Щукин «имел в общей сложности 45 суток ареста в дисциплинарном порядке от командира полка и 10 суток от командира дивизии» [3, л. 1]. За морально-бытовое разложение Щукин был исключен из кандидатов в члены ВКП(б). Командованием дивизии в 1935 г. возбуждалось ходатайство об увольнении Щукина из РККА, однако тогда этот вопрос разрешения не

получил. «Считаю, что Щукина Н.М. необходимо из РККА уволить», – завершал свое послание Леплевский. Помета на бланке спецсообщения свидетельствовала о том, что 28 февраля 1937 г. Я.Б. Гамарник подписал приказ об увольнении Щукина. Более трех лет беспробудного пьянства завершились увольнением из армии морально разложившегося командира.

В апреле 1937 г. поток спецсообщений Гамарнику о контрреволюционных проявлениях со стороны командно-начальствующего состава Уральского военного округа значительно возрос. Так, спецсообщением от 22 апреля 1937 г. до Гамарника доводилось следующее: «Делопроизводитель штаба 126 полка АРГК (УралВО) ЛАВРОВ Федор Иванович <...> среди военнослужащих штаба полка неоднократно высказывал к-р троцкистские взгляды, восхвалял Троцкого и его «заслуги» [3, л. 17]. Кроме того, Лавров, антисоветские высказывания которого фиксировались особым отделом с 1935 г., заявлял: «Зиновьев – это очень ценный человек. Я его неоднократно слушал в Ленинграде. Был также и на докладе Троцкого». Завершалось спецсообщение следующим: «В августе 1936 г. ЛАВРОВ в очень осторожной форме в разговоре с одним военнослужащим выявил свои террористические настроения в отношении тов. СТАЛИНА. <...> Прошу Вашей санкции на увольнение ЛАВРОВА из РККА с последующим арестом» [3, л. 18]. Резолюция Я.Б. Гамарника была краткой: «Уволить из армии. 23/IV 37. Гамарник». Таким образом, арест подразумевался сам по себе. В тот же день приказом НКВД № 0409/ОУ Ф.И. Лавров был уволен из РККА, а 28 апреля 1937 г. он был арестован органами НКВД.

В следующем спецсообщении от 22 апреля из РККА говорилось о том, что ОО НКВД ликвидирована контрреволюционная группа курсантов 3-й военной школы авиатехников, три участника которой намеривались совершить побег за кордон. «Следствием установлено, что в эту группу входили также курсанты МАДРИЧЕНКО и ТОЛСТИКОВ, которые в настоящее время выпущены из школы со званием воентехников 2 ранга» [3, л. 14], – сообщал Леплевский Гамарнику. Завершалось спецсообщение конкретно: «Прошу санкционировать арест МАДРИЧЕНКО Вениамина Арсентьевича и ТОЛСТИКОВА Александра Ивановича». Помета Гамарника на бланке спецсообщения гла-

сила: «Арестовать и уволить из армии Мадриченко и Толстикова. 23/IV 37. Гамарник». Данная резолюция начальника ПУ РККА свидетельствует о его стремлении не просто избавить армию от возможных политических преступников, но покарать их.

Примечательно, что в апрельских спецсообщениях особого отдела говорилось о контрреволюционных группах, вскрытых чекистами в среде комсостава Уральского военного округа. Например, в спецсообщении от 24 апреля 1937 г. Леплевский доводил информацию о помощнике командира саперной роты старшем лейтенанте Г.А. Скосыреве: «5-й отдел УГБ УНКВД по Кировской области располагает данными о том, что СКО-СЫРЕВ Г.А. является участником к-р троцкистской группы, состоящей из военнослужащих, проводит среди военнослужащих к-р агитацию троцкистского характера, производит вербовку военнослужащих в контрреволюционную группу (БУШЕВ, СТАРОРУССКИХ), обрабатывает красноармейцев в к-р троцкистском духе» [3, л. 20]. Здесь же приводились высказывания бывшего старшего унтер-офицера, участника Гражданской войны, бывшего члена ВКП(б) Скосырева: «В годы гражданской войны я больше всего встречался с Троцким и любил его, если бы за Троцким – пошел бы сейчас драться». Завершалось спецсообщение стандартно: «Прошу Вашего согласия на увольнение его из РККА с последующим арестом». Старший лейтенант Г.А. Скосырев был уволен приказом НКО от 27 апреля 1937 г. №0422/ОУ, а 4 мая органы НКВД арестовали его.

В мае 1937 г. количество сообщений о разоблачении в УралВО различного рода заговорщиков и шпионов из среды командно-начальствующего состава возросло. Так, 5 мая 1937 г. помощником Леплевского было направлено спецсообщение заместителю НКО армейскому комиссару 1 ранга Я.Б. Гамарнику: «Представляем справку по делу командира батареи 253-го стрелкового полка 85 стрелковой дивизии капитана ТООМ Эвальда Антоновича, подозреваемого в шпионаже. Прошу Вашего согласия на увольнение его из РККА с последующим арестом» [3, л. 26]. Оказывается, «в 1922 году, находясь в отпуску, в Москве, ТООМ вместе со своим товарищем КУЛЬБЕРГОМ заходил в эстонское посольство <...> дал подробную ин-

формацию о состоянии армии и об отрицательных настроениях отдельных лиц командного состава». По сведениям особого отдела: «За время службы в частях 85 стр. дивизии ТООМ ведет исключительно замкнутый образ жизни, с подчиненными груб. После исключения из партии ТООМ высказывался о том, что он не был настоящим марксистом и не является советским гражданином» [3, л. 29]. Начальник Политуправления РККА наложил визу: «Уволить из армии. 9/V – 37. Гамарник» [3, л. 25]. В тот же день приказом НКО №0496/ОУ капитан Э.А. Тоом был уволен из армии.

Характерной особенностью репрессий командно-начальствующего состава УралВО является то, что командование этого военного округа первым подверглось удару НКВД. Командующий войсками УралВО комкор И.И. Гарькавый и его заместитель комкор М.И. Василенко были арестованы на ранней стадии массовых политических репрессий в армии и на флоте – 11 марта 1937 г., вслед за ними был арестован командир 65-й стрелковой дивизии этого военного округа комбриг Г.Ф. Гаврюшенко [4, с. 157]. Никакой переписки по согласованию арестов командиров, занимающих столь высокие должности не сохранилось. Их подвергли аресту в порядке оперативной необходимости

Член ВЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при наркомобороны, орденоносец [5, с. 68] комкор И.И. Гарькавый через шесть дней после ареста, когда вина его в заговорщической деятельности еще не была доказана, окружной парткомиссией был исключен из ВКП(б) [4, с. 127]. Это свидетельствует о том, что его судьба уже была решена. На допросе 27 марта 1937 г. он показал, что поддерживал связь с троцкистским центром, возглавляемым Г.Л. Пятаковым, через комкора В.М. Примакова. На следующем допросе 31 марта 1937 г. И.И. Гарькавый сообщил следствию содержание директивы троцкистского центра, которую он получал по «военной линии»: «1. Троцкистский центр считает, что СССР находится в преддверии войны и вступил в «непосредственно-предвоенную ситуацию»; 2. В борьбе за свержение сталинского руководства, которое приурочивается центром именно к этому периоду, Красная армия должна сыграть решающую роль...» [8, л. 103-104]. Далее из показаний следовало, что, по словам Примакова, «разработаны

специальные указания троцкистского центра относительно активизации нашей деятельности в Красной армии» [8, л. 107], но что это за «специальные указания» из протокола не ясно. Кроме того, подследственный, якобы, сообщил следствию о принадлежности к особо законспирированной группе контрреволюционной организации заместителя командующего войсками МВО Б.С. Горбачева. Об этом ему стало известно в 1930 г. от Г.Ф. Гаврюшенко, «который в порядке особой конспирации сообщил мне о принадлежности к троцкистской организации Горбачева» [8, л. 111]. Военной коллегией Верховного суда 1 июля 1937 г. И.И. Гарькавый по обвинению в участии в заговоре был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Позже, в 1938 г. фамилия Гарькавого фигурировала в следственных делах других командиров, арестованных за контрреволюционную деятельность и в переписке ГУГБ НКВД. Например, в сводке важнейших показаний арестованных по ГУГБ НКВД СССР за 4-е апреля 1938 г. было отмечено, что И.И. Гарькавый входил в состав руководящего центра украинской националистической организации [1, с. 266-278]. Реабилитирован комкор И.И. Гарькавый 12 декабря 1956 г.

Член Военного совета при наркомате обороны, трижды орденосец [5, с. 65] комкор М.И. Василенко, который, как и И.И. Гарькавый, в свое время был офицером в русской императорской армии обвинялся следствием том, что «принимал участие в 1927–1928 гг. в контрреволюционной военно-офицерской организации, существовавшей на Украине» [7, л. 31]. В ходе допросов следователи НКВД получили от М.И. Василенко признательные показания: об участии в военном заговоре, в который был завербован комкором В.М. Примаковым в 1934 г.; о проведении им антисоветской работы; о работе на германскую разведку с 1927 г. [5, л. 32–37]. В судебном заседании 1 июля 1937 г. М.И. Василенко виновным себя не признал и от своих показаний отказался. Заседание ВКВС продолжалось тридцать минут и завершилось вынесением расстрельного приговора. Комкор М.И. Василенко реабилитирован посмертно 28 ноября 1956 г.

Комбриг Г.Ф. Гаврюшенко был арестован 19 марта 1937 г. За отличия в боях Первой мировой войны унтер-офицер Гав-

рюшенко был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. В Гражданскую войну он командовал батальоном, полком и в 1922 г. награжден орденом Красного Знамени [5, с. 52-53]. Однако следователи НКВД сломали волю этого мужественного человека: на допросе 25 марта 1937 г. он признал свое участие в военном заговоре наряду с комкорами И.И. Гарькавым и М.И. Василенко [7, л. 17]. Комбриг Г.Ф. Гаврюшенко 1 июля 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации был приговорен ВКВС к расстрелу, реабилитирован посмертно 20 апреля 1957 г.

И.И. Гарькавого на посту командующего войсками УралВО сменил член ВЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при наркомате обороны, трижды награжденный орденом Красного Знамени [5, с. 71] комкор Б.С. Горбачев. Он, участник Первой мировой (за храбрость награжден Георгиевским крестом), коммунист с февраля 1917 г., легендарный комбриг Гражданской войны, был арестован органами НКВД 3 мая 1937 г. Он был основательно обработан следователями, после чего 28 мая 1937 г. написал заявление на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова с признанием о том, что он отошел от подпольной троцкистской работы в 1925–1926 гг., но И.И. Гарькавый «постепенно снова втянул меня в троцкистскую подпольную организацию» [8, л. 46]. На допросе 31 мая 1937 г. Б.С. Горбачев подписал заготовленный в отпечатанном виде протокол допроса на 37 листах, где было указано, что он является участником антисоветской военной организации. В протоколе отмечено, что Б.С. Горбачев показал: «Заговор и связанный с ним план государственного военного переворота существовал и несколько раньше, мне же об этом впервые стало известно в середине 1930 г. со слов Гарькавого и Примакова <...> проведение военного переворота предполагается сочетать с организацией широкого крестьянского повстанческого движения в стране» [8, л. 51–52].

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1937 г. Б.С. Горбачев вместе с И.Н. Гарькавым и другими командирами и начальниками «за предательство и контрреволюционную деятельность» [2, с. 201] были лишены орденов. Это означало, что Горбачев уже исключен из списков живых. В суде Б.С. Горбачев виновным себя не признал, сообщил суду, что его

«показания заставили подписать», заявил: «показания Петерсона, Егорова, Тухачевского, Путна, Корка и Енукидзе считает ложными» [8, л. 317]. Протокол заседания Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР под председательством В.В. Ульриха датирован 3 июля 1937 г. [8, л. 316]. Несмотря на явные противоречия и несоответствия в показаниях, Б.С. Горбачев был признан виновным, как записано в приговоре, в том, что «подготавливал вооруженное выступление в Московском кремле, был организационно связан с врагом народа» [8, л. 318] и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 3 июля 1937 г., что подтверждается имеющейся в архивно-следственном деле справкой о приведении приговора в исполнение [8, л. 319]. Реабилитирован Б.С. Горбачев 14 марта 1956 г.

Исследования служебной переписки командования Красной Армии, Уральского военного округа с органами НКВД, приказов НКЮ позволяет сделать вывод о том, что в январе – мае 1937 г. было уволено по политическим мотивам около 150 командиров (начальников), в том числе арестовано 56. Многие из арестованных были обвинены в политических преступлениях и осуждены к высшей мере наказания (расстрелу) и к различным срокам отбывания в исправительно-трудовых лагерях. Жертвами массовых репрессий стали не только командиры (начальники) старшего и среднего звена, но и представители высшего командно-начальствующего состава УралВО. Уже в начале мая 1937 г. Уральский военный округ оказался обезглавленным в результате расширяющихся репрессий, что не могло не повлиять на управление войсками, боевую подготовку, морально-психологическую обстановку в воинских коллективах, дисциплину и организованность.

В середине 1950-х годов было официально доказано, что обвинения в политических преступлениях командирам-уральцам были выдвинуты необоснованно, арестованы и осуждены они были незаконно; подавляющее большинство репрессированных командиров были реабилитированы.

Список литературы и источников

1. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Сост. В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2011.

2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 39. Д. 40.
4. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.
6. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014.
7. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ). Д. Р-28394.
8. ЦА ФСБ. Д. Р-4673 (в 2-х томах). Т. 1.

УДК 94 (470+571)“19”

Л.М. Салахова, Н.Н. Путилина

Организация жизнеобеспечения ссыльнопоселенцев из Литвы (на примере Широкопадского леспромхоза)

Аннотация. Авторы, используя устные воспоминания и документальные источники, воссоздают картину жизни и быта литовцев в первые годы ссылки в Иркутскую область, обращают внимание на проблемы в организации жизнеобеспечения и способы их решения, выявляют жизненные практики, способствовавшие выживанию населения в условиях репрессивного режима.

Ключевые слова: депортация, ссыльнопоселенцы, практики жизнеобеспечения, устные воспоминания, социокультурная история Сибири.

L.M. Salakhova, N.N. Putilina

The life organisation of the deportees from Lithuania (on the example of Shirokopadsky timber tree enterprise)

Annotation: Using oral memories and documentary sources the authors recreate the picture of everyday life of Lithuanians in the early years of the deportation to the Irkutsk region. They pay attention to the problems in the organization of the life support